

UNITED WISDOM

Анатман и непрерывность опыта

Мир и сознание

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

W-22-N02 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Анатман и непрерывность опыта

О чём эта статья

Представим человека, который читает собственное письмо десятилетней давности. Почерк знакомый, обстоятельства узнаваемы, но уверенность автора кажется почти чужой. «Как я мог так думать?» — спрашивает он. Через минуту возникает обратный вопрос: если теперь я другой, почему прежнее обещание всё ещё относится ко мне? Между этими вопросами проходит трудная граница. Мы меняемся, однако наша жизнь не рассыпается на несвязанные эпизоды. Мы узнаём себя, но не обязательно находим внутри неизменного владельца всего происходящего.

Буддийское понятие анатмана предлагает рассмотреть эту границу без поспешного ответа «меня не существует». В статье мы разберём несколько ранних палийских текстов и различим неизменную самость, переживание себя, условное обозначение человека и связь поступков с последствиями. Затем проверим, что такое различение может дать в обычной жизни: при перемене убеждений, принятии ответственности и разговоре о собственном характере. Современные ситуации здесь — авторские примеры, а не описание буддийского освобождения. Непрерывность внутри одной жизни также не служит доказательством перерождения: религиозный вопрос сохраняет собственный статус.

1. Почему фраза «я меняюсь» ещё ничего не решает

Анатман — санскритское слово; палийская форма — анатта. В обсуждаемом буддийском контексте оно касается отсутствия надёжного основания считать изменчивые составляющие опыта неизменной самостью. Различие между человеком и такой самостью существенно: отказ от второго понятия не требует перестать узнавать первого. В SN 22.59 тело, чувство, восприятие, формирующие процессы и сознание рассматриваются через изменчивость и невозможность полного распоряжения ими. SN 22.59.

В нашем примере старое письмо ставит несколько разных задач. Нужно установить, действительно ли его написал этот человек. Можно спросить, почему он тогда думал именно так. Можно решить, сохраняет ли силу данное обещание. Наконец, можно искать постоянное начало, которое якобы должно одинаково присутствовать в каждом его возрасте. Ошибка начинается, когда ответ на одну задачу выдают за решение остальных.

Например, изменение взглядов не делает письмо поддельным. Сходство почерка не подтверждает неизменность характера. Юридическая обязанность не устанавливает

@andrey.zarinsh @ilkutki

существование бессмертной души. А сомнение в такой душе само по себе не отменяет договорённости. Каждое утверждение требует своего основания; привычное слово «я» часто скрывает эту работу.

Полезно поэтому начать не с требования выбрать между вечным ядром и полным исчезновением человека, а с более точного вопроса: какую именно устойчивость мы сейчас имеем в виду? Устойчивость имени, памяти, привычки, обязательства и метафизической сущности — разные вещи. Они могут пересекаться, но не становятся одним понятием оттого, что мы привыкли говорить о них одной фразой.

Такое различение не обещает окончательно разрешить философскую проблему. Оно убирает лишнюю путаницу перед её обсуждением. Иногда уже этого достаточно, чтобы чужое «ты изменился» перестало звучать как доказательство предательства, а собственное «я теперь другой» — как разрешение забыть сделанное.

2. Опыт не обязан быть одним неделимым комком

Пять названных составляющих традиционно называют скандхами, по-палийски кхандхами: группами или совокупностями. Это религиозно-философская схема рассмотрения опыта; её не следует выдавать за анатомическую карту мозга. Нас интересует возможность различать то, что в повседневной речи соединяется в слишком быстрый вывод о человеке.

Представим участницу рабочего разговора. Она слышит замечание, чувствует неприятное напряжение, узнаёт знакомую интонацию, предполагает пренебрежение и собирается ответить резко. Затем возникает итоговая формула: «Меня не уважают, а я всегда слишком чувствительная». В этой формуле уже соединены событие, телесное состояние, распознавание, предположение о другом, намерение и рассказ о себе. Их соединение может быть убедительным, но убедительность ещё не проверяет каждую часть.

Если развернуть ситуацию, появляются вопросы, на которые действительно можно искать ответы. Что было сказано буквально? Какие признаки указывают на пренебрежение? Что осталось предположением? Какой ответ сейчас готовится? Есть ли возможность уточнить смысл замечания, не отказываясь от собственной границы? Мы не предлагаем присвоить каждому пункту буддийский термин: современный пример не воспроизводит древнюю классификацию во всех деталях.

Главное здесь — не победить чувство с помощью правильного названия. Неприятное переживание сохраняет значение даже тогда, когда наша история о его причинах нуждается в проверке. И уточнение истории не обязано завершаться удобным для

собеседника выводом. Возможно, пренебрежение действительно было, и потребуется твёрдый ответ.

Различение делает доступным ещё один исход: человек может перестать решать всю свою судьбу из одного разговора. Между «это произошло», «так я это переживаю» и «вот кто я навсегда» появляется пространство. Оно не пустое: в нём можно собирать сведения, выбирать слова и замечать изменение. Опыт остаётся нашим житейским опытом, но перестаёт требовать немедленного окончательного портрета владельца.

3. Невозможность полного контроля не равна беспомощности

Вопрос о самости легко превращается в спор о власти: если я не могу полностью распоряжаться состоянием, значит ли это, что от меня вообще ничего не зависит? Такой вывод соединяет два разных масштаба. Отсутствие абсолютного контроля не доказывает отсутствие ограниченного влияния.

Представим музыканта перед выступлением. Он способен репетировать, выбрать программу, проверить инструмент и приехать вовремя. Он не способен приказать себе не чувствовать волнения ни на секунду. Если его представление о себе требует полного внутреннего послушания, само возникновение волнения покажется поражением. Тогда к трудности выступления добавляется борьба за доказательство: настоящий профессионал якобы должен полностью владеть собой.

Более точное описание не делает его пассивным. Оно позволяет распределить усилия. Подготовку можно улучшать. Непредвиденные обстоятельства можно учитывать. О некоторых условиях можно договориться с организаторами. А требование никогда не испытывать неприятного переживания можно перестать использовать как меру собственного права выходить на сцену.

Разница становится особенно заметной при неудаче. Одно дело — обнаружить плохо подготовленный фрагмент и доработать его. Другое — объявить само существование изменчивого тела доказательством личной несостоятельности. Первый вывод указывает на действие; второй назначает человеку приговор, из которого непонятно, что делать дальше.

Мы не выводим из этого примера буддийское учение целиком. Это ограниченное авторское сопоставление, позволяющее отделить влияние от всевластия. Условия бывают внутренними и внешними; их распределение нужно выяснять в каждом случае. Бывает, что человек уже сделал доступное ему, а результат всё равно неблагоприятен.

Бывает и обратное: ссылка на обстоятельства скрывает действие, которое он мог предпринять. Само слово «условия» не решает, какой случай перед нами.

Поэтому внимательное рассмотрение изменчивости совместимо с деятельностью. Оно может даже сделать её точнее: работать с тем, на что есть реальный способ повлиять, вместо бесконечной проверки, достаточно ли мы похожи на воображаемого хозяина всех событий.

4. Колесница: имя может работать без отдельной сущности

В SN 5.10 монахиня Ваджира использует образ колесницы: название связано с сочетанием частей; обозначение живого существа — с наличием совокупностей. Сравнение находится в религиозном рассказе о встрече с Марой. Оно не является экспериментом о сознании. SN 5.10.

Развивая образ уже от себя, представим обычный велосипед. Мы можем указывать на него, чинить его, одалживать другу и отвечать за его сохранность. Для этого не нужно обнаружить дополнительный предмет «сам велосипед», скрытый помимо рамы, колёс и устройства их соединения. Однако из отсутствия такого дополнительного предмета было бы странно заключить, что друг ничего не одолжил и возвращать нечего.

Сравнение помогает различить осмысленное обозначение и требование отдельной неизменной сущности. Но человека нельзя полностью объяснить устройством велосипеда. У него есть переживания, история отношений, язык, способность отвечать и множество других особенностей, которые механическая аналогия не охватывает. Хорошая метафора освещает один вопрос и сохраняет свою границу.

Та же осторожность нужна со словом «условный». Оно не обязательно значит «произвольный», «обманный» или «ничего не стоящий». Имя человека условно в том простом отношении, что люди пользуются системой обозначений. Но адресованная ему просьба может быть совершенно конкретной, а её невыполнение — болезненным для другого.

Возьмём обещание встретить ребёнка после школы. Можно философски обсуждать, существует ли неизменный носитель этого обещания. Пока идёт обсуждение, ребёнок всё равно ждёт, и вопрос о том, кто должен приехать, не исчезает. Проблема самости не даёт бесплатного выхода из отношений.

При этом полезность имени не доказывает существование вечного ядра. Мы получаем более скромный, но рабочий вывод: для многих задач достаточно устанавливаемой связи между телом, биографией, действиями и отношениями. Требование найти сверх этого ещё одного владельца нужно обосновывать отдельно.

5. Непрерывность — это вопрос о связях, а не о полном совпадении

Название статьи содержит слово «непрерывность», но его не стоит понимать как доказанную гладкую линию сознания без пробелов. Сон, забывание и незнание собственного прошлого уже делают такое описание слишком сильным. Здесь речь прежде всего о связях между этапами жизни, которые позволяют узнавать историю и обсуждать её последствия.

Вспомним читателя старого письма. Его прежний выбор мог привести к переезду; переезд — к знакомству; знакомство — к обязательству, которое существует сегодня. Теперешние взгляды отличаются от прежних, однако различие не уничтожает эту цепочку. Ему не обязательно одобрять прежнее решение, чтобы признать его участие в собственной биографии.

Другой авторский пример — восстановленная дружба. Люди помнят общее прошлое по-разному, исправляют взаимные представления и создают новые договорённости. Непрерывность здесь не означает одинаковость воспоминаний. Она поддерживается также встречами, перепиской, общими свидетельствами и готовностью выяснять расхождения. Рассказ о себе может быть важным участником этой работы, но не единственным судом.

Третий пример — человек, который учится иной профессии. Он действительно меняет навыки, расписание и окружение. Но обучение не происходит с совершенно чистого листа: прежний способ работать, финансовые условия и уже данные обещания входят в новую ситуацию. Связь с прошлым может помогать или мешать; в обоих случаях она требует рассмотрения, а не объявления прошлого несуществующим.

Такие примеры не устанавливают единственный научный критерий личной идентичности. Мы не решаем здесь случаи тяжёлой утраты памяти и сложные правовые вопросы. Их нельзя закрыть красивой метафорой. Более узкий вывод достаточен: изменение и связь не исключают друг друга логически.

Можно поэтому признать: «Я больше не думаю так, как тогда», — и затем продолжить: «Но последствия моего решения относятся к моей нынешней жизни». В этой второй фразе есть место и ответственности, и пересмотру. Прошлое перестаёт быть вечной сущностью человека, но остаётся частью условий, с которыми он встречается сегодня.

6. Почему сознание нельзя незаметно превратить в путешествующую душу

Когда привычная самость поставлена под вопрос, возникает соблазн перенести её в менее заметное место. Пусть тело и характер меняются, но, может быть, за ними неизменно пребывает одно сознание? В MN 38 монах Сати приписывает учению именно странствующее от рождения к рождению сознание; его понимание отвергается. Далее сознание рассматривается в зависимости от условий его возникновения. MN 38.

Это важная граница прочтения. Нельзя сначала сказать, что неизменного «я» нет, а затем без пояснений назвать сознание тем же самым неизменным владельцем под другим именем. Смена слова ещё не меняет аргумент. Если новое понятие выполняет все прежние функции, нужно показать, почему прежние возражения к нему больше не относятся.

Однако отрицание конкретного понимания Сати не даёт нам права объявлять решёнными все позднейшие споры буддийских школ о сознании. Мы работаем с указанным эпизодом и его ближайшим контекстом. Полная история этих споров потребовала бы отдельной статьи, других текстов и более подробных различений.

Столь же важно не подменять перерождение современным примером памяти. То, что сегодняшний поступок связан со вчерашним, не подтверждает продолжение жизни после смерти. Религиозное учение о таком продолжении нельзя выдавать за эмпирический вывод из узнавания школьной фотографии. Обратное сокращение тоже неверно: ранний текст о повторном рождении не становится исключительно описанием смены настроения оттого, что такая адаптация удобна современному читателю.

Здесь можно честно сохранить несколько уровней. Первый — содержание религиозного источника. Второй — философская проблема условий и тождества. Третий — повседневная связь между решениями и последствиями. Они дают материал для сопоставления, но не являются доказательствами друг друга.

Такое разделение оставляет читателю свободу мировоззренческого ответа. Для понимания аргумента ему не нужно заранее принимать перерождение. Для точного чтения источника ему нужно признать, что религиозная рамка в нём действительно присутствует.

7. Меняющийся человек всё равно встречается с последствиями

В SN 12.17 вопросы о страдании обсуждаются через крайности: полное тождество действующего и переживающего либо их радикальную раздельность. Текст обращается к зависимому возникновению вместо этих крайностей. Это религиозная аргументация; она не заменяет современное право. SN 12.17.

В обычной жизни похожая развилка появляется в разговоре после причинённого вреда. Один человек говорит: «Я тогда был другим». Эта фраза может быть честной. Он мог пересмотреть убеждения и перестать повторять прежнее действие. Но собеседник слышит в ней другой смысл: «Поэтому больше не обращайся ко мне с тем, что произошло». Изменение становится способом прервать обсуждение последствий.

Есть и обратная ошибка: «Раз ты это сделал, ты навсегда такой». Здесь биографическое событие превращается в неснимаемую сущность. Тогда любое последующее исправление заранее обесценено, а разговор о конкретном ущербе заменяется окончательным описанием человека. Нередко обе ошибки поддерживают друг друга: приговор подталкивает к бегству, бегство усиливает желание вынести приговор.

Авторский выход из этой развилки состоит в нескольких отдельных вопросах. Что было сделано? Какой вред возник? Что человек признаёт сейчас? Что можно исправить? Какие условия помогут увидеть, что изменение выражено в действиях? И кто вправе отказаться от дальнейшего участия, даже если изменение реально?

Последний вопрос необходим. Ответственность не даёт совершившему ошибку права требовать доверия, прощения или возобновления отношений. Другой человек тоже участвует в ситуации, и его решение нельзя вывести из чужого рассказа о внутреннем обновлении. Признание перемены и восстановление доверия — разные события.

Такой подход удерживает связь, не назначая вечный характер. Прошлое учитывается через последствия, свидетельства и действия, а будущее остаётся открытым для проверки. Это более трудная работа, чем выбрать лозунг о неизменности или исчезновении личности, но именно она позволяет обсуждать исправление предметно.

8. Понимание идеи и привычка чувствовать себя — разные события

В SN 22.89 Кхемака различает отсутствие отождествления совокупностей с самостью и ещё сохраняющееся переживание «я есть». Рассказ показывает, что одно различение не означает завершения пути. Мы используем его как религиозное свидетельство, а не как клиническую модель личности. SN 22.89.

Эта осторожность пригодится читателю, который понял философский аргумент и сразу проверяет себя на соответствие. «Почему я всё ещё обижаюсь? Почему мне важно признание? Разве я не должен уже перестать защищать себя?» Так появляется новый образ правильного человека — теперь того, кто обязан никогда не переживать личного задетого интереса.

Представим автора, чей текст раскритиковали. Он способен различить замечание к статье и окончательную оценку собственного достоинства. Но напряжение всё равно возникает. Из самого этого напряжения нельзя заключить, что различение бесполезно. Оно могло изменить ответ: вместо нападения автор запросил конкретный пример, увидел удачное замечание и сохранил право не соглашаться с остальным.

В нашем современном примере смысл идеи выражается в изменении доступного действия, а не в доказательстве духовного достижения. Неприятное чувство может остаться. Может обнаружиться другая привычка. Может потребоваться время, чтобы прежняя формула о себе перестала управлять каждым разговором. Статья не устанавливает обязательный срок и не назначает человеку уровень реализации.

Проверять здесь полезнее конкретные события: удалось ли отделить текст от собственной ценности, уточнить критику, исправить ошибку, признать ограничение? Эти вопросы не требуют сертификата отсутствия «я». Они дают основания увидеть, произошло ли что-то содержательное.

Интеллектуальная ясность имеет свою ценность, но не обязана немедленно переделать весь опыт. Признание этой границы позволяет учиться без спектакля завершённости. Человек может понять больше, чем пока умеет воплотить, и при этом честно продолжать работу.

9. Можно говорить «я» и не превращать описание в приговор

В SN 44.10 Будда не отвечает Ваччхаготте ни утверждением наличия самости, ни её отрицанием; затем объясняет Ананде, почему такие ответы усилили бы неверное понимание. Молчание в этом эпизоде не доказывает тайную вечную самость и не отменяет остальных текстов. SN 44.10.

Современный вывод здесь скромнее всеобщей теории: форма вопроса способна заранее навязать неудобную развилку. «Ты сильный или слабый?», «Ты эгоист или хороший человек?», «Ты настоящий профессионал или самозванец?» Ответ может закрепить ярлык прежде, чем мы выяснили событие. Иногда лучше уточнить, какая ситуация обсуждается и по каким признакам предполагается её оценивать.

Это не требует запретить местоимение «я». Фразы «я устал», «я согласен», «я этого не хочу» выполняют понятную работу. С их помощью человек сообщает о состоянии, берёт обязательство или обозначает границу. Замена всех таких фраз безличными конструкциями сама по себе не делает понимание глубже. Она может лишь затруднить разговор.

Полезнее заметить переход от сообщения к сущности. «Я сейчас не справился с задачей» допускает исследование сложности и условий. «Я неспособный» уже распространяет результат на человека целиком. «Я не готов согласиться» описывает нынешнюю позицию. «Я всегда всё порчу» превращает несколько событий в универсальный закон, который ещё нужно подтвердить.

Иногда устойчивое описание оправданно: например, человек действительно знает своё предпочтение или регулярно замечает одну привычку. Проблема не в самом обобщении, а в том, закрывает ли оно проверку и возможность изменения. Можно сказать «мне трудно выступать» и искать подходящий способ подготовки. Можно использовать ту же фразу как вечное запрещение пробовать. Слова одинаковые, последствия разные.

Поэтому вопрос касается не грамматики, а функции рассказа. Помогает ли он различить происходящее, договориться и действовать — или вынуждает защищать окончательный портрет? Язык о себе становится точнее, когда остаётся связан с тем, что действительно известно.

10. Разотождествление не требует обесценивать человека

Из анализа самости иногда делают слишком широкий бытовой вывод: раз постоянного владельца опыта не найдено, личные интересы не имеют значения. Тогда чужое «мне больно» встречают ответом о том, что страдать некому. Философская формула начинает выполнять роль отказа услышать человека.

В этой статье такого вывода нет. Можно сомневаться в неизменной сущности и при этом учитывать переживание, нужду, согласие и последствия действия. Для разговора о причинённом ущербе не требуется сначала разрешить всю метафизику личности. Более того, отвлечение на метафизику в момент просьбы о помощи может сделать обсуждение менее точным: конкретный вопрос остаётся без ответа.

Представим двух близких людей. Один сообщает, что ему нужно побыть одному. Другой отвечает: «Это твоё эго создаёт разделение». Называние границы эгоистической не доказывает, что она необоснованна. Нужно обсуждать время, обстоятельства и договорённости, а не выводить согласие из философского тезиса. Человек вправе сохранить своё решение без защиты теории вечной души.

Есть и внутренняя версия той же ошибки. Читатель начинает считать любое предпочтение недостатком духовного развития. Он перестаёт различать желание признания, потребность в отдыхе, обязательство и страх потерять одобрение: всё оказывается одним «эго». Такой универсальный ярлык беднее исходного опыта и плохо помогает выбрать действие.

Разотождествление, если пользоваться этим словом в ограниченном современном смысле, означает возможность не сводить себя целиком к одному состоянию или рассказу. Оно не требует добиваться ощущения собственной нереальности. Если размышление становится пугающим, допустимо его прекратить и вернуться к обычным делам; статья не задаёт практику принудительного разрушения ощущения себя.

Глубина здесь измеряется качеством различения. Человек становится менее связан окончательным портретом, но его жизнь не делается менее достойной внимания. У него остаются отношения, решения и события, которые требуют ответа. Именно поэтому разговор об анатмане может усиливать точность ответственности, а не ослаблять её.

Что это значит на практике

Вернёмся к человеку со старым письмом. Ему не обязательно выбирать между «я всегда был таким» и «это больше не имеет ко мне отношения». Можно прочитать письмо как свидетельство определённого этапа, установить его последствия и отдельно решить, какие обязательства сохраняются. Тогда изменение не становится ни обвинением, ни оправданием заранее.

Для такого размышления можно взять один конкретный эпизод. Не всю жизнь и не вопрос о том, существует ли человек вообще. Например, обещание, которое трудно выполнить, разговор, после которого возник окончательный ярлык, или перемену убеждения, которую хочется скрыть либо демонстративно объявить.

Сначала полезно записать событие достаточно узко: что произошло, когда и что известно непосредственно. Затем отделить переживание от объяснения: что ощущалось и какой смысл был этому придан. После этого можно назвать связь с прошлым — прежнее решение, повторяющуюся договорённость, привычный способ отвечать. Эти записи не будут исчерпывающей картой причин. Их задача — убрать хотя бы одно слишком общее утверждение, мешающее видеть ситуацию.

Следующий вопрос касается действия. Если человек обещал помощь, изменение его самоощущения не отвечает, как предупредить другого, пересмотреть договорённость или выполнить обещанное. Если он совершил ошибку, признание изменчивости не определяет размер ущерба. Нужно выяснять конкретные последствия, возможность исправления и границы собственной компетенции.

Наконец, стоит проверить, не подменили ли мы одну окончательную сущность другой. «Я всегда неудачник» может смениться формулой «я теперь человек без эго», сохранив прежнее требование доказать правильный портрет. В обеих версиях событие используется для вынесения тотального решения о себе. Более точный итог может звучать проще: «Я заметил один способ отвечать и в этом случае выбрал иначе».

Эти вопросы — авторское предложение для размышления. Они не являются терапией, традиционной инструкцией медитации или свидетельством освобождения. Их полезность проверяется тем, стало ли понятнее происходящее и доступное действие, а не степенью согласия с названием статьи.

В начале человек узнал своё письмо и одновременно почувствовал расстояние до его автора. Теперь он может удерживать оба факта. Его нынешняя жизнь связана с прежней; его нынешние взгляды не обязаны повторять прежние. Для этой связи не требуется неподвижный внутренний памятник. Достаточно внимательно встретиться с тем, что продолжает действовать, и с тем, что уже действительно изменилось.

Сопоставления и границы

Различение	Что оно позволяет увидеть	Чего из него не следует
Человек и неизменная самость	Житейское обозначение не решает метафизический вопрос	Что человеку ничего нельзя обещать
Изменение и связь	Прошлое может влиять без полного совпадения состояний	Что память доказывает перерождение
Влияние и полный контроль	Доступное действие можно отделить от требования всевластия	Что все обстоятельства зависят от желания
Перемена и ответственность	Исправление рассматривается через последствия и действия	Что другой обязан простить
Понимание и переживание	Ясная идея не означает завершённой перестройки опыта	Что неприятное чувство доказывает провал
Разотождествление и граница	Можно пересмотреть рассказ о себе и сохранить согласие или отказ	Что личное достоинство нужно отменить

Это карта различений внутри статьи, а не утверждение, что буддизм, психология и все философские школы учат одному и тому же. Повседневные сопоставления предложены авторами; религиозные положения отнесены к конкретным источникам.

Источники и использованные места

Все ссылки ведут на переводы Тханиссаро Бхиккху в Access to Insight. Использованы краткие самостоятельные пересказы учений; дословные отрывки переводов не воспроизводятся. Современные сцены и выводы об обычных отношениях — авторские сопоставления.

1. SN 22.59, Pañcavaggi / Anatta-lakkhana Sutta, 1993. Пять совокупностей и рассмотрение самости; основной текст.

2. SN 5.10, Vajira Sutta, 1998. Ответ Ваджиры и образ колесницы; основной текст, без переноса примечания переводчика в учение.

3. MN 38, Mahatanhasankhaya Sutta, 2011. Эпизод Сати и классификация сознания по условиям; не заявлено чтение всей беседы.

4. SN 12.17, Acela Sutta, 2005. Крайности тождества и раздельности, зависимое возникновение; основной текст.

5. SN 22.89, Khemaka Sutta, 2001. Различение отождествления и сохраняющегося «я есть»; объяснение Кхемаки.

6. SN 44.10, Ananda Sutta, 2004. Вопросы Ваччхаготты и объяснение Ананде; основной текст.

Теги

Анатман, анатта, буддизм, самость, личность, опыт, сознание, пять совокупностей, скандхи, непрерывность, изменение, причинность, память, ответственность, обещание, границы, язык, Ваджира, Кхемака, Сати, зависимое возникновение.

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.